

соседей, которые появлялись в холле, пока, наконец, кто-то не позвонил суперу Фрэнку. Рассерженный супер приказал Бабу забрать своё дикое животное. А уже на следующий день был издан домовый приказ немедленно избавиться от дикого кота и отвратить Тоби в кошачий приют.

Все соседи устроили Бабу обструкцию и перестали с ним здороваться. Я прочитала этот приказ на доске объявлений и несколько дней ходила расстроенная. Я, выросшая в советской системе неуважения и несоблюдения законов, и с отсутствием пиетета перед начальством, считала этот приказ идиотским. Кто дал право домовому комитету распоряжаться судьбой наших домашних любимцев? Но американцы в отличие от нас - очень законопослушные. Мне было жалко и Баба и Тоби. Эта кошечка, в сущности, была самым близким существом для бедного одинокого старика.

Через неделю я встретила Бабу в холле.

- Доброе утро, gorgeous!
- радостно, как всегда, поздоровался он.

- Доброе утро, Баб.
Меня удивило его сияющее лицо. Разве он не переживает, что пришлось расстаться с кошкой? Разве он за ней не скучает?

- У тебя хорошее настроение, - удивлённо отметила я.
- Значит, у тебя всё в порядке?

- У меня всё отлично, gorgeous!
- радостно подтвердил Баб.

- Разве ты не скучаешь за Тоби?

- Нет! А почему я должен скучать? - ещё радостней ответил Баб. - Совершенно не скучаю!

Вдруг у меня пропало настроение разговаривать с этим эгоистичным стариком. Оказывается он такой же, как Вили. Сплавил бедное животное и никаких угрызений совести. А я его ещё и жалела, сочувствовала ему. Я холодно простила с Бабом и направилась к своей машине.

Вечером Баб сам мне позвонил.

- Ты, наверное, подумала, gorgeous, что я отдал Тоби в приют?

- Ну, да.
- Нет. Он живёт у меня. И я не собираюсь его никому отдавать. Не дождутся!

- Правда? Какой ты молодец, Баб! Я так рада, что Тоби осталась с тобой! Правильно, что ты не послушался этих дураков!

- С какой стати я буду их слушаться, gorgeous?

И Баб мне начал рассказывать, как они с кошечкой подружились, как они славно живут друг с другом, как Тоби будит его по утрам, как она прыгает на кровать, осторожно подходит к спящему Бабу и усиками щекочет его лицо. А днём, когда он отдыхает на кровати, Тоби ложится рядом, на подушку. Рассказывая это, Баб заливался радостным смехом. Я была счастлива за них обоих.

- А она тебя уже не царапает?

- Да, вообще-то царапает, - признался Баб. - Он с характером.

Баб всё никак не хотел говорить о кошечке в женском роде.

- А ты не хочешь её кастрировать? Мой кот Киса кастрированный, поэтому спокойный и не доставляет мне никаких хлопот. На улице не убежит, за кошками не охотиться.

Но Баб решил её не кастрировать, чтобы она не потеряла своих природных защитных качеств. Когда я спросила у него, почему он так решил, Баб объяснил, что он уже старый и может умереть в любой момент и тогда его кошечку выбросят на улицу. И ей нужно будет уметь себя защищать от диких и злобных уличных котов.

На следующей неделе мне позвонил наш сосед Питер и сообщил, что Баб в больнице.

- Что случилось? - встревожилась я.

- Да толком никто не знает, у него нашли какую-то инфекцию.

- Это серьёзно? Как долго он там будет? Его можно навещать?

Питер постарался дать мне исчерпывающую информацию и в конце разговора попросил меня поухаживать за Тоби.

- Из-за этого дикого кота никто не хочет заходить в квартиру Баба, - пожаловался он. Конечно, я согласилась и в этот же день навестила Тоби. Она, как всегда, спряталась от меня где-то в стенном шкафу. Я снова обошла квартиру Баба. За это время она, казалось, стала ещё запущенней. Растения в горшках ещё больше высохли. Пыли на мебели, полу и коврах стало ещё больше.

Теперь мне ясно, откуда бедный Баб подцепил инфекцию, догадалась я. Из своей же квартиры! Её просто необходимо привести в порядок!

Я позвонила его другу Питеру и спросила у него совета.

- Валентина, Баб будет только счастливым, если ты ему сможешь по хозяйству.

- Ты уверен? - на всякий случай переспросила я. - Он не обидится, если я здесь похозяйничаю?

- Абсолютно нет!

И уборка началась. Я пришла с пылесосом и мешками своих вещей. Я пропылесосила весь пол, выбросила старые ковры и половики, отнесла на помойку горшки с засохшими цветами, а те, что были ещё живы, полила водой, я вытерла пыль, выбросила все старые простыни и наволочки, уложила аккуратно в стопочками своё белоснежное бельё, поменяла постель, брезгливо выбросила в мусорник темно-серое кухонное полотенце и повесила свои, клетчатые, льняные. На кухне я выбросила все пустые бутылки из-под кока-колы, одноразовые контейнеры из-под еды, полиэтиленовые мешки. А потом на чистые кухонные полки поставила принесённые из дома яркие фаянсовые тарелки, миски и кружки.

Удобное вольтеровское кожаное кресло в гостиной я развернула к окну, чтобы Баб, придя из больницы, мог отдыхать в нём, любясь океанскими волнами. А красивый мохеровый плед, связанный, вероятно, его женой, аккуратно положила на спинку кресла.

Я остановилась перед пустым аквариумом. А что с ним делать? Выбросить или оставить? Подумав, я поехала в зоомагазин, купила дождю золотых рыбок и запустила их в аквариум с чистой водой. Теперь запущенное жильё Баба превратилось в чистую, ухоженную и красивую, как новая игрушка, квартиру.

Кошечка Баба испуганно наблюдала за всем этим с верхней полки стенного шкафа. Мне захотелось и её привести в порядок, хотя бы вычесать её востребованную шерстку. Но она мне не далась.

Я навестила Бабу в больницу. Он ждал меня у входа, сидя в инвалидном кресле.

- Откуда ты знаешь, что я к тебе приду? - удивилась я.

- Gorgeous, ты не могла не прийти, - улыбнулся Баб.

Я отдала Бабу принесённые пакетики натурального апельсинового сока и коробку итальянского печенья.

- Благодарю тебя, gorgeous, но я не знаю, позволит мне врач это есть. У меня же нашли какую-то инфекцию.

- Кстати, об инфекции. Она у тебя от твоей квартиры! Она же очень запущенная, Баб!

- Разве? А мне казалось, что она хорошая.

- Но очень грязная и пыльная! Но ты не волнуйся, я её

всю убрала.

И я обстоятельно рассказала Бабу и про его старое постельное бельё, полотенца, половички, посуду, засохшие цветы, контейнеры из-под ресторанной еды и склад пустых бутылок. Я сообщила, что всё это выбросила, а то, что осталось, тщательно убрала.

- А ты не выбросила, случайно, клетчатый мохеровый плед? - вдруг испугался Баб. - Где он?

- Плед цел, не волнуйся. Он очень красивый. Его, наверное, связала твоя жена?

- Нет, gorgeous, его связал мой сын.

- Сын?! - удивилась я.

- Да, представь себе, мой сын. Он был хороший мальчик, очень домашний.

Баб задумался, грустно уйдя в воспоминания, а я вспомнила, что кто-то из стариков нашего дома рассказывал, что сын Баба был автогонщиком и разбился на каких-то соревнованиях. Как это могло совмещаться? Автогонщик и вязание?

В этот же день спустилась вниз, к бассейну, к старикам, и сообщила им, что Баб заболел, у него какая-то инфекция и сейчас он лежит в больнице. Я сказала также, что звоню Бабу и его врачам по несколько раз в день, а сегодня даже навестила. Меня поразил реакция наших "пикейных жилетов" на болезнь их друга Баба. Они с изумлением смотрели на меня и молчали.

- Зачем ты это делаешь?

- Но Баб - мой друг! Между прочим, и ваш тоже, - с ударением сказала я.

Старики снова молча переглянулись.

- Надо будет послать ему открытку, - единогласно решили старики.

- И воздушные шарики с пожеланием скорейшего выздоровления, - добавили старушки.

Через несколько дней Баб выписался из больницы и в тот же день позвонил мне.

- Gorgeous, я не узнал свою квартиру! Что ты с ней сделала?!

- Тебе понравилось, Баб? - порозовела от похвалы я.
- Просто восхитительно!

А золотые рыбки? Где ты их взяла? А посуда на кухне? Какая красивая! А кресло, которое ты повернула к окну? Как это замечательно! Почему я сам до этого не додумался? Приходи, мы будем с тобой пить чай. Из моей новой посуды, - добавил довольный Баб.

Вскоре я уехала в Европу на неделю. Когда вернулась, позвонила Бабу. Его телефон не отвечал. Я оставила сообщение на автоответчике, но Баб мне не перезвонил. Это было странно и на него не похоже. Эти вещи с ним друзья. Ещё через пару дней я позвонила Питеру и сказала, что не могу дозвониться до Баба. Питер по-стариковски закашлялся и начал издавать. Сначала он сообщил, что Баб снова попал в больницу с диагнозом "внутреннее кровоизлияние".

- Прогноз врачей был неутешительный, всё-таки Бабу восемьдесят пять лет, - медленно рассказывал Питер.

- Я сама знаю, что ему восемьдесят пять лет, - нетерпеливо перебила я Питера. - А сейчас как он?

- А разве ты не знаешь? - тихо спросил Питер.

- Что я не знаю?! - у меня уже лопалось терпение.

- Баб умер.

- Умер?!

- Умер.

- Когда?!

- Несколько дней назад. Его уже похоронили. Ты разве не знала?

Я застыла в шоке. До меня никак не доходил смысл слов Питера. Баб умер.

Его уже нет. И уже успели похоронить. Как же так? Господи! Как же так случилось?!

А Тоби? Что с ним?!

- А что с Тоби? - глухим голосом после долгого молчания спросила я.

- Фрэнк, наш супер, вызвал специальную службу и этого дикого кота забрали.

- Куда?!

- Понятия не имею.

- Какой ужас! Бедная Тоби! Бедный Баб!

Ещё через несколько дней я столкнулась с Фрэнком в холле нашего дома, и он мне рассказал, что внучатая племянница Баба из штата Мэйн уже распорядилась освободить квартиру, потому что она собирает её поскорей сдать в аренду.

- Мы уже и вещи его выбросили, - равнодушно сообщил Фрэнк.

Я вышла на улицу. На обочине возвышалась целая гора вещей, приготовленная для уборщиков. Я увидела сваленную в кучу старую мебель и сразу узнала вольтеровское кресло Баба. У меня защемило сердце. Я подошла ближе и увидела разбитый аквариум Баба. Рядом лежали выброшенные альбомы с семейными фотографиями. На асфальте были выставлены прозрачные мешки с моим постельным бельём и полотенцами. Они уже никому не нужны. Прямо на земле валялись клетчатый мохеровый плед, связанный сыном Баба. Я наклонилась, чтобы поднять с пыльного асфальта дорогой Бабу плед и вдруг услышала рядом тихий детский писк.

Я наклонилась и увидела под перевёрнутым вольтеровским креслом сжавшуюся в дычатый комочек кошку. Это была Тоби. Она увидела меня и заплакала громче. Это было не кошачье мяуканье, а настоящий человеческий плач.

Откуда она здесь появилась?!

Как получилось, что она не в приюте?!

Сбежала?!

А может её сразу выбросили на улицу?!

Я присела на корточки. Тоби смотрела на меня и тихо плакала. Её испуганные глаза смотрели на меня с такой невыразимой тоской! В них было столько горя и отчаянья! Я не заметила, как у меня потекли из глаз слёзы.

- Маленькая моя! Как ты здесь оказалась? Ты сбежала из приюта? Тебе там было плохо? Ты тоскуешь без Баба? Ты вернулась к нему? А его уже нет, моя бедная девочка. И никогда уже не будет.

Тоби пытливо смотрела на меня тревожными глазами. Так иногда всматривается в меня мой кот Киса, пытаясь понять, что я ему говорю.

- Что же мне делать с тобой, маленькая? Ты же не можешь оставаться здесь, моя бедная девочка. Эти вещи Баба скоро заберут мусорщики. И ты останешься на улице совсем одна.

Мы смотрели друг на друга, и мне показалось, что Тоби меня понимает.

Я осмотрелась вокруг. Что же делать? Может быть, кто-нибудь подкажет, что мне делать? На улице никого не было. И тогда я приняла решение. Я подняла с асфальта клетчатый мохеровый плед, накрыла им Тоби, схватила в охапку, прижала к груди, "моя хорошая девочка!" и побежала в свою квартиру. Там я выпустила из пледа испуганную Тоби. Она замерла на пороге.

Из спальни, потягиваясь, вышел заспанный кот Киса. Он увидел чужую кошку и сразу же насторожился. Так же насторожилась и Тоби. Какое-то время они, не отрываясь, смотрели друг на друга. Вдруг в глазах моего Кисы мелькнул радостный огонёк любопытства. Тоби всё ещё настороженно смотрела на Кису, но не пыталась убежать.

- Ну, Киса, встречай свою младшую сестричку.

Нью-Йорк

Америка-Россия: Переключка

НАТАЛИЯ ЕСИНА, Нью-Йорк

ЛОЗА

Грозди плотно сплетались с виноградной лозой. Мы с тобой целовались предзакатной порою. Мы бродили в те годы в пенном летнем угаре. Что нам долгие броды, что лесные пожары, что нам зависть людская! Для любви все равно. Если пена такая - знатно будет вино!

Я терпением и верой то вино отфильтрую от поступков неверных, что мы делали все. И рукою летучей по долинам, глубинкам наберу я пахучин. И настаивать буду столько лет-передряг, чтоб любовь, как в сосуде, превратилась в коньяк.

Я напиток коньячный разолью в два бокала. Захмелей же, мой мальчик, и начнем все сначала. Спелой гроздью сплетем мы с лозой виноградной. Снова в юность вернемся мы с любовью - отрадой.

ПОЛЁТ НА РОЯЛЕ

Медленно на сцену выезжает Однокрылый черный самолёт. Им во фраке тихо управляет Виртуозный трепетный пилот.

Открывает карту навигаций, Проверяет каждую педаль, Чтобы вдоль по нотам разбежаться И поднять людей куда-то вдаль.

Консонанс аккордов многозвучных Заведёт таинственный мотор. Прямо к небу сквозь дожди и тучи Нас помчит рояля струнный хор.

Все законы красок отвергая, Ведь у клавиш - чёрно-белый цвет, Радугу оттенков извергает Щедры музыкальный инструмент.

Перед нами города и страны, Множество оттенков, как в кино. Черный самолётик деревянный... А пространства в нём - полным-полно.

СМОТРЮ НА МИР ГЛАЗАМИ

Смотрю на мир глазами... Глазами не своими, То женскими очами, а иногда мужскими.

Я в мир вникаю взглядом Обратной стороны Лозы и Листопада, И Золотой Луны.

Я Кошкой наблюдаю, Глазю Интернетом, Гляжу на дым и таю Коварной Сигаретой.

То слепо я гадаю: "Постель или Роман", То тайну созерцаю, Когда я - Океан.

Я годы зрю веками. Все разные такие. И мир пишу стихами Людей, Вещей, Стихи.

Ведь каждому явлению, Созданью - все равно - Свое мировоззренье И виденье дано.